

Розмари и Лавендер,
благодаря которым стало возможно всё,
что следует дальше

ГЛАВА I

У моря больше тайн, чем у неба. Мама мне объясняла, что, когда море тихое-тихое и падают звёзды, некоторые небесные тайны влетают вместе с ними в море и становятся морскими. Когда мы жили на маяке, я выходила на галерею и длинным сачком для крабов пыталась поймать хоть одну тайночку, но так и не поймала.

А когда ночью бушевал шторм и швырял море в небо, а небо — в море, мелкие брызги поднимались до самого верха, до луча. Они

облачками всплывали в окошки папиного кабинета и рассеивались по всему полу. Утром, открыв глаза, я вслушивалась в плеск волн — и тоже никаких тайн, никаких знаков с неба. Может, тайны просто тонут в ночи, как рыбы в воздухе.

Меня зовут Джулия. Я расскажу об одном лете, когда я потеряла свою маму, а нашла акулу, которая древнее дубов. Но не волнуйтесь — даже если это и спойлер, он не испортит конец.

Джулией меня назвали в честь моей бабушки, которую я никогда не видела, и ещё в честь папиной любимой компьютерной программы. Мне десять лет и двести три дня. Но это я, конечно, не сама считала, а попросила папу, просто я не очень люблю числа. Зато люблю слова. Числа можно передать словами, а слова числами не передашь — значит, слова главнее, правда?

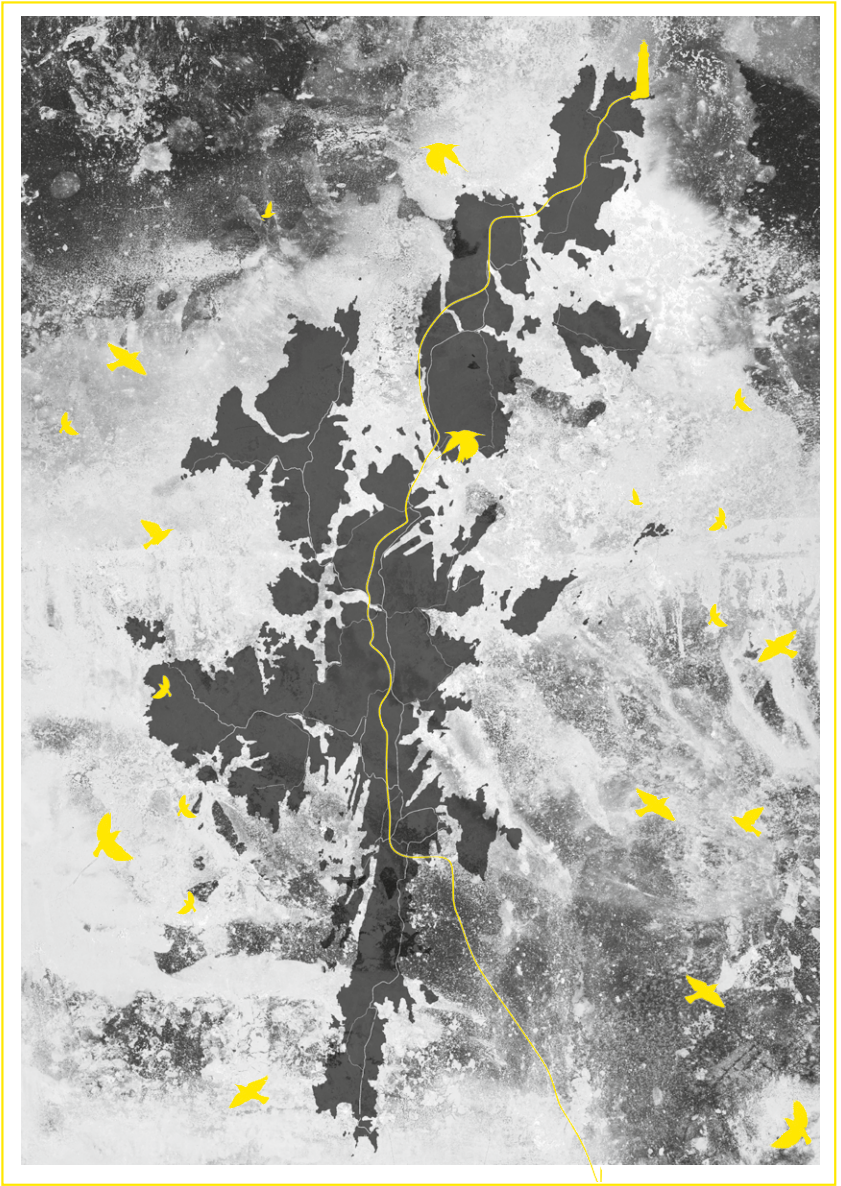

А папа говорит: неправда. Ну да, он же работает с одними числами. Мы из-за этого и оказались в Шетланде, на старом маяке. Папу позвали написать специальную программу для маяка, чтобы всё в нём происходило автоматически. Раньше на маяке жил смотритель, лампа была не тысячеваттная, с вольфрамовой спиралью, а газовая и зажигалась от искры. И в звёздах то же самое: газ и искры.

От Шетланда до Норвегии ближе, чем до Англии. И даже чем до Эдинбурга. Чтобы найти Шетланд на карте, надо поставить палец на Хейл — это в Корнуолле, мы там живём, — и вести по диагонали вверх, вверх и вправо, до островов, которые похожи на чернильные брызги, — это Оркней, Оркнейские острова. И ещё выше, до следующих чернильных брызг, — вот это и будет Шетланд, группа Шетландских островов, архипелаг. Туда мы и отправились, на остров Анст.

Анст, Шетланд, Шотландия.

Мне нравится, как люди там произносят название своей страны — как будто в этом слове спрятана ещё целая куча букв. Шо-аут-лаундия! Ещё важная вещь про слова: у них внутри бывают как будто секретные комнаты. И слова всё время меняются — смотря из чьего рта вылетели. Если из моего, то иногда они так меняются, что превращаются во что-то совсем другое, и папа тогда говорит: ну это уже враньё.

А у чисел никаких тебе секретных комнат внутри. Мой папа работает с языком чисел, который называется «двоичный код». В Оксфордском словаре слово «двоичный» объясняется так:

*(прил.) связанный с двумя величинами;
состоящий из двух частей.*

С двумя, из двух. Правильно — неправильно. Правда — неправда. Ну и куда тут втиснуть секретную комнату?

И маме по работе тоже приходилось иметь дело с числами, но всё равно она всегда

больше любила слова. А вообще, для учёного, конечно, важно и то, и то. Числа помогают отследить, сколько чего, но объяснить всё это можно только словами.

В Корнуолле мама изучала водоросли — вот те, которые очищают воду от вредных веществ. Когда-нибудь они, наверное, научатся даже перерабатывать пластиковый мусор. Может, вы смотрели такое видео — морская черепаха, и у неё в носу застряла пластиковая трубка от сока? Я смотрела давно, но та черепаха до сих пор у меня перед глазами. Хочу её забыть, а не могу. Но, может, и правильно, что не могу. Если делать вид, что чего-то нет, оно же от этого не исчезнет.

Когда папе предложили работу в Шетланде, мама первая сказала, что мы едем туда вместе и на всё лето. Потому что её водоросли — они, конечно, важные и должны помочь черепахам, но в Шетланде она будет ближе к тем существам, которых всю жизнь мечтала изучать, — к самым крупным обитателям самых холодных морей.

В университете она изучала китов и даже написала длинное-предлинное эссе про кита, который пустился странствовать вокруг света в одиночку, потому что он пел не на тех частотах, на каких поют все киты. То есть он их мог слышать, а они его нет. Я немножко понимаю, как он себя ощущал. С тех пор как мама заболела, у меня иногда бывает такое чувство, будто я ору громко-громко внутри себя. Но мамино самое любимое на свете существо — не кит, а акула. Гренландская акула. А раз акула мамина, то прошлым летом она стала и моей тоже.

Слова послушные, и мне нравится, что они тоньше чисел. Вот, допустим, я хочу рассказать вам свою историю, но так, чтобы она получилась правдивая и вы бы поняли. Если я вдруг начну рассказывать в числах, тогда получится, что из всех чисел про маму самое важное теперь — 93875400, номер с её больничного браслета. Но число 93875400 ничего не расскажет о маме. Это могут только слова. И то не всегда.